

**Данное издание оцифровано
в Воронежской областной
универсальной научной библиотеке
им. И.С. Никитина**

394018, г. Воронеж, пл. Ленина, 2 / ул. Орджоникидзе, 36

Понедельник– четверг 9.00-20.00

Суббота, воскресенье 12.00-20.00

Пятница -выходной

<http://vrnlib.ru>

<http://vk.com/vounb>

e-mail: vounb@mail.ru

+7 (473) 255-05-91

НЕОФИЦИАЛЬНАЯ ЧАСТЬ ВОРОНЕЖСКИХЪ ЕПАРХИАЛЬНЫХЪ ВЪДОМОСТЕЙ

годъ XXI.

№ 8

АПРѢЛЯ 15.

Ученіе Апостола Іоанна Богослова о любви.

Вѣра наша во Христа и все, что у Св. Апостола Іоанна сказано, относительно Его Божественнаго лица и цѣли Его пришествія, спасительна для насъ только тогда, если будетъ выражаться и въ чувствахъ сердца, соответственныхъ тому, что мы слышали изъ его Апостольскаго посланія о Богѣ, какъ чистѣйшемъ свѣтѣ и любви, особенно той любви, какую показали Онъ въ посланіи къ намъ Сына своего, т. е. въ любви къ Богу и ради Бога ко всѣмъ нашимъ братьямъ, особенно къ братьямъ во Христѣ.

Знать все, что говорится въ нашихъ святыхъ книгахъ о Богѣ и о той любви, которую оказалъ Онъ намъ въ Сынѣ своемъ, Господѣ Іисусѣ Христѣ, — признавать все это за истину и не сочувствовать Ему сердцемъ, — не ощущать въ себѣ любви къ Нему, по слову свят. Іоанна, еще не значитъ знать Его. *Богъ есть любовь*, говоритъ онъ, слѣдовательно и любовь отъ Бога; если же и самая любовь отъ Бога, то и всякій любящій, кому присуще это Божественное чувство, рожденъ отъ Бога, и какъ рожденный отъ Бога онъ только собственно и можетъ о себѣ сказать, что знаетъ Бога. *Кто же не любитъ*, тотъ, — какъ-бы умомъ не изслѣдывалъ существа Божія и какихъ-бы въ

этомъ не достигалъ успѣховъ, — еще не знаетъ Бога, потому что Богъ есть любовь. Слѣдовательно кому не знакомо это святое чувство, составляющее самое существо Божіе и кто имъ не оживляется, тотъ хотя-бы имѣлъ самыя возвышенныя понятія о Богѣ, не ощущаетъ Его, какъ существо живое и все проникающее. Богъ въ немъ — мертвая мысль, а не живое существо. Что Богъ точно есть любовь, особенно въ отношеніи къ намъ, это, говоритъ Апостоль, открылось намъ до очевидности въ томъ что Онъ послалъ въ міръ едиnorodнаго Сына своего, чтобъ мы, пораженные грѣхомъ и подпавшіе подъ власть врага Божія — діавола получили чрезъ Него, или, по выраженію Апостола, въ Немъ жизнь, — въ томъ, что не мы прежде Его возлюбили и тѣмъ вызвали Его любовь, къ себѣ, а Онъ прежде возлюбилъ насъ, потому-то и послалъ къ намъ Сына своего быть умилостивленіемъ, чтобъ т. е. содѣлался жертвою умилостивленія за грѣхи наши. (IV. 7—10).

Что-жъ изъ этого потомъ выводитъ Апостоль? Станемъ же, — заключаетъ, — и мы любить Его, такъ какъ Онъ еще прежде возлюбилъ насъ (IV. 19), — заключеніе самое естественное. На всякую любовь сердце естественно откликается любовью, особенно на такую любовь, какую во Христѣ показалъ намъ небесный Отецъ. Любовь къ намъ и безъ жертвъ возбуждаетъ въ насъ любовь къ любящему насъ, но любовь Бога — Отца, пожертвовавшаго едиnorodнымъ Сыномъ своимъ и Сына Божія пожертвовавшаго за насъ собственной жизнію, ради нашего спасенія должна расплавлять все наше сердце любовью къ Нему. Это законъ не только въ сферѣ существъ разумныхъ но и въ области неразумныхъ, самыхъ дикихъ звѣрей.

Въ чемъ должна выражаться наша къ Нему любовь? Любовь Божія, говоритъ Апостоль (такъ онъ называетъ здѣсь не Божію къ намъ любовь, а нашу къ Нему любовь), состоитъ въ томъ, чтобъ мы соблюдали Его заповѣди и заповѣди Его, прибавляетъ, не тяжки, такъ какъ всѣ рожденные отъ Бога, говорятъ, т. е. истинно возрожденные въ жизнь Божію, или по

вѣрѣ во Христа усмысленные Богу, какъ Отцу Его, побуждаютъ міръ, то есть по любви къ Нему, могутъ противостоять всѣмъ соблазнамъ и угрозамъ развращеннаго міра, отвлекающаго насъ отъ Него (V. 4 и 5). Что мы познали Его, говоритъ Апостоль въ другомъ мѣстѣ этого посланія, т. е. истинно любимъ Его (такъ какъ прежде сказали, что только любящій Бога, позналъ Бога),— что мы познали Его въ этомъ удостоверяемся совершенно только тогда, когда соблюдаемъ Его заповѣди. Кто говоритъ: я знаю Его, а заповѣдей Его не соблюдаю, тотъ лжетъ и нѣтъ въ немъ истины, т. е. тотъ говоритъ не по убѣжденію,— не искренно. Но кто соблюдаетъ слово Его, въ томъ истинно совершилась любовь Божія, изъ чего и узнаемъ, что мы въ Немъ. Кто говоритъ о себѣ, что въ Немъ пребываетъ, тотъ и поступай-же такъ, какъ поступалъ Онъ (II. 3. 6)— заключеніе естественное: у кого въ умѣ и сердцѣ пребываетъ Богъ, или все равно, Господь нашъ Іисусъ Христосъ, съ томъ и дѣла должны быть, согласны съ волею Божіею, такъ какъ каждое наше дѣло предварительно зачинается въ умѣ и сердцѣ. Если же они заняты у насъ Богомъ, то естественно это должно отвѣчиваться во всѣхъ нашихъ дѣлахъ... Дѣти, пишетъ онъ, пребывайте въ Немъ (говорить о Христѣ, пребывайте вѣрными Ему, т. е. исполняйте Его заповѣди, на что предъ симъ настаиваетъ Апостоль), дабы, когда Онъ явится, — разумѣется второе пришествіе Христова на судъ міра, — имѣть вамъ дерзновеніе, — т. е. безъ страха, смѣло предстать предъ Нимъ, а не постыдиться предъ Нимъ въ пришествіе Его: — ибо, — разъясняетъ это, если вы знаете (вѣруете) что Онъ праведникъ, — чистъ отъ всякаго грѣха, то знайте (должны знать) и то, что только творящій правду, рожденъ, т. е. можетъ быть названъ рожденнымъ — отъ Него, или есть истинный Его послѣдователь. Другое побужденіе къ тому: мы знаемъ, пишетъ Апостоль, что когда Онъ (Господь Іисусъ Христосъ) явится, то и мы въ то время сдѣлаемся подобными Ему, ибо такъ будемъ къ Нему близки, что будемъ видѣть Его, какъ Онъ есть — не очами только въ-

ры, какъ теперь, не по вѣрѣ только въ то, что слышимъ о Немъ и въ Евангеліе, а лицомъ къ лицу. И такъ, заключаетъ, всякій имѣющій такую надежду на Него, — на такую близость къ Нему, и очищаетъ (т. е. заблаговременно долженъ очищать) себя отъ грѣха, такъ какъ Онъ чистъ (отъ всякаго т. е. грѣха). Вы знаете, говоритъ Апостоль, что Онъ и прежде того явился собственно для того, чтобъ взять (уничтожить) наши грѣхи, и что въ Немъ самомъ нѣтъ никакого грѣха. И такъ, — повторяетъ опять прежнее заключеніе, — и такъ всякій пребывающій въ Немъ не грѣшитъ, такъ какъ всякій согрѣшающій не видѣлъ и никогда не зналъ Его, (т. е. показываетъ, что никогда не видѣлъ Его и не слыжалъ о Немъ, не имѣетъ о Немъ правильное понятіе). Нѣтъ, дѣти, пусть не обольщаетъ васъ никто; кто творитъ правду, тотъ только и праведникъ, подобно, какъ праведенъ Онъ, кто творитъ правду, а не вѣрующій только, значить, въ Него; а творящій грѣхъ, т. е. сознательно позволяющій себѣ тотъ или другой грѣхъ, — согрѣшающій съ сознаніемъ, что онъ поступаетъ вопреки закона Христова, — отъ діавола, потому что первый діаволъ согрѣшилъ, а Сынъ Божій за нѣмъ и приходилъ, чтобы разрушить дѣла діавола. Великій, рожденный отъ Бога — т. е. истинный христіанинъ, сознательно, съ намѣреніемъ грѣха никогда не творитъ, такъ какъ сѣмя Его (т. е. сѣмя Божіе) въ немъ пребываетъ. Такъ онъ поэтому и не можетъ грѣшить, какъ рожденный отъ Бога, т. е. какъ усыновленный Богу (Ш. 2—9). Изъ этого выходитъ, что любовь къ Богу должна выражаться въ исполненіи заповѣдей Божіихъ, или въ добрыхъ дѣлахъ, а исполненіе заповѣдей Божіихъ или добрая дѣла должны быть выраженіемъ нашей любви къ Богу, безъ этой взаимной ихъ связи какъ любовь наша, такъ и все наше благочестіе суетны. а тѣмъ не менѣе — аминь. До чего можетъ достигать такая любовь къ Богу? До такого совершенства, говоритъ Апостоль, что мы имѣли бы дерзновеніе предъ Нимъ и въ день суда, такъ какъ въ любви нѣтъ уже страха, совершенная истинная любовь изгоняетъ страхъ,

потому что въ страхѣ есть мученіе, т. е. страхъ есть чувство мучительное, а любовь чувство отрадное и успокоительное; кто еще боится Бога, тотъ не совершенъ въ любви. Души любящихъ другъ друга какъ—бы сливаются въ одну душу, — въ одно существо. По сему и св. Апостоль сказалъ, какъ мы слышали, что пребывающій въ любви въ Богѣ пребываетъ и Богъ въ немъ. Какой-же между нами можетъ быть страхъ? Естественно ли бояться того, Кого ты любишь и въ любви Котораго къ себѣ увѣренъ? Но довольно-ль для столь тѣснаго союза съ Богомъ, какой Св. Апостоль объщаетъ любящимъ, любить одного Бога? Нѣтъ; отвѣчаетъ на это св. Апостоль: Богъ есть свѣтъ; въ которомъ нѣтъ ни малѣйшей тьмы; пишетъ онъ въ самомъ началѣ своего посланія. Почему, если мы говоримъ себѣ, что имѣемъ съ Нимъ общеніе, а ходимъ въ прежней тьмѣ, то мы лжемъ и не поступаемъ по истинѣ. Если-же ходимъ во свѣтѣ, подобно, какъ и Онъ во свѣтѣ, тогда мы дѣйствительно въ общеніи другъ съ другомъ, — т. е. съ Нимъ тогда имѣемъ общеніе (I. 5—7). Но кто во враждѣ съ тьмою или другимъ братомъ, или, по выраженію Апостола, ненавидитъ брата своего; тотъ будто во свѣтѣ ходитъ? Нѣтъ, говоритъ Апостоль: Кто говоритъ о себѣ, что онъ во свѣтѣ, а не навидитъ брата своего, тотъ, — говоритъ, — все еще во тьмѣ. Кто говоритъ, любить брата, тотъ только во свѣтѣ пребываетъ и нѣтъ въ немъ преткновенія. А кто ненавидитъ брата своего, тотъ находится во тьмѣ; — во тьмѣ блуждаетъ и не знаетъ, куда идетъ, — т. е. обманывается, воображая, что идетъ путемъ Божиимъ, такъ какъ тьма (злоба какъ тьма) со всѣмъ заслѣпила ему глаза (II. 9—II). Ходить во свѣтѣ, какъ видно изъ разныхъ мѣстъ посланія св. Аpos. Иоанна, значить ходить путемъ правды или путемъ закона Божія. Только этимъ путемъ ходящій, — Божій человекъ, а ходящій путемъ не правымъ — не отъ Бога. Но ненавидящій брата развѣ на правомъ пути, на пути закона Божія? Скажавъ, что всякій, не творящій правды не отъ Бога и зная, что есть

люди, которые строго исполняя законъ, ни во что ставятъ жизнь во враждѣ съ братьями, Апостоль прибавляетъ: также и не любящій брата своего, — и онъ, т. е. человекъ Богу негодный, — такъ какъ благовѣтствованіе, продолжаетъ Апостоль, какое мы слышали еще сначала, еще даже до пришествія Христова, изъ закона еще Моусеева, таково, чтобъ мы любили и другъ друга (III, 10. II). Праведникъ только ходитъ во свѣтъ Божіемъ; праведникъ тотъ, кто исполняетъ заповѣди, а въ христіанскомъ смыслѣ и вѣрующій во Христа. Но развѣ въ числѣ всѣхъ данныхъ намъ заповѣдей не сказано о любви и къ братьямъ? Напротивъ это-го, въ ряду заповѣдей относительно нашихъ ближнихъ, есть самая существенная заповѣдь, такъ что безъ этой, какъ строго не выполняй свои обязанности въ отношеніи къ ближнимъ, всѣ наши добрыя дѣла, — для семействъ-ли нашихъ, для нашихъ либо обществъ, или для цѣлаго отечества, или даже для всего человѣчества, — не имѣтъ ни какой цѣны, какъ замѣчаетъ и другой Апостоль (Павель), также, какъ и всѣ виды и роды нашего служенія Богу — безъ любви къ Нему. Если сердце наше ни въ чемъ насъ не осуждаетъ, пишеть св. Іоаннъ, то намъ свободный тогда доступъ къ Богу, такъ что чего-бы мы ни просили у Него, получимъ, пбтому что въ такомъ случаѣ, мы, значить, исполняемъ Его заповѣди и дѣлаемъ все угодное Ему. Какіе же это заповѣди? Ихъ много, но Апостоль здѣсь указываетъ только на двѣ. Заповѣдь же Его, говорить, сія есть, чтобъ мы вѣровали во имя Сына Его Іисуса Христа, и другая? и любили другъ друга, какъ Онъ заповѣдалъ намъ. Соблюдающій двѣ эти заповѣди, заключаетъ Апостоль, пребываетъ въ Немъ и Онъ въ томъ. Апостоль не оставляетъ даже безъ разрѣшенія и вопроса, какой могъ-бы родиться при еѣ завѣреніи, что вѣруя во Іисуса Христа и любя — другъ друга мы приходимъ въ такое близкое общеніе съ Богомъ, что Онъ въ насъ, а мы въ Немъ. А что Онъ пребываетъ тогда въ насъ, это мы, говорить, узнаемъ по духу, который Онъ далъ намъ (III, 21—24). Это повторяеть и въ другомъ мѣстѣ: Бога, по-

ворить, не видалъ никто и никогда. Но если мы любимъ другъ друга, то Богъ въ насъ пребываетъ, и любовь Его совершилась въ насъ. Что мы тогда пребываемъ въ Немъ, а Онъ въ насъ, это, повторяетъ онъ, мы узнаемъ изъ того, что Онъ далъ намъ Духа своего (IV. 12.—13). Сродня нашего мурономазанія, которое, какъ извѣстно, совершается надъ нами тотчасъ за нашимъ крещеніемъ, въ вѣрующемъ обитаетъ Духъ Божій. Почему Ап. Павелъ не разъ въ своихъ посланіяхъ и называетъ христіанъ — храмомъ Духа Св. или вообще храмомъ Божиимъ. Когда мы другъ съ другомъ во враждѣ, Духъ Божій какъ-бы стѣсняется, такъ какъ Онъ есть духъ любви и съ духомъ злобы не совмѣщается, какъ это объяснялъ св. Ермъ Ангелъ, — (его руководитель); а когда сердце наше наполняется злобою, онъ какъ-бы расширяется и по всему существу человѣка разливается какое-то невыразимо отрадное чувство, по которому человѣкъ и ощущаетъ въ себѣ таинственное присутствіе Божіе, такъ какъ при этомъ любовь Божія совершилась въ немъ, тогда какъ при озлобленіи человѣкъ наполняется какимъ-то гнетущимъ и мрачнымъ чувствомъ, свойственнымъ только діаволу. Но въ этомъ-ли и объясненіе словъ Апостола: мы знаемъ, что мы перешли отъ смерти къ жизни, когда любимъ братьевъ, а кто не любитъ братьевъ, тотъ пребываетъ въ смерти и еще: всякій ненавидящій брата есть тотъ-же человѣкоубійца; а вы, говоритъ, знаете, что никакой человѣкоубійца не имѣетъ жизни вѣчной, въ немъ пребывающей (III. 14 и 15). Конечно, не многие изъ насъ не злobiliсь, не распалились ненавистнымъ чувствомъ къ брату, сдѣлавшему намъ зло. Поэтому весьма многіе собственнымъ опытомъ могутъ повѣрять эти слова св. Апостола и не могутъ не увѣриться, что не ненавидящій брата точно испытываетъ нѣчто подобное смерти, такъ какъ чувство злобы, есть чувство адское, самое мрачное возмутительное и убійственное; распаленный чувствомъ злобы человѣкъ во всемъ обнаруживаетъ духъ разрушенія; чувства мутятся, мысли въ страшномъ разбродѣ, во всехъ дѣлахъ неурядица и расстройство. Онъ точно

самоубійца. Но, по замѣчанію Апостола, этого мало, — онъ и челоукоубійца, разрушительно дѣйствуетъ и на того, на кого обращена его злоба. Не говоря уже о томъ, какъ болѣзненно челоуку замѣчать въ другомъ злобое къ себѣ чувство, злоба наша наполняетъ его чувствомъ страха, угнетающаго сердце не меньше самой злобы и страха тѣмъ мучительнѣйшаго, чѣмъ ненавидящій насъ имѣетъ больше средствъ повредить если не жизни нашей, то нашей чести, или имуществу, если же не намъ, такъ какимъ либо сродникамъ и даже друзьямъ, подобно грубому возницѣ, который, раззлываясь на бѣдное животное, которымъ онъ править, бьетъ его безъ разбору по всему — и по упряжи и по оглоблямъ. Были примѣры, что одинъ взглядъ раздраженнаго начальника, какъ взглядъ очковой змѣи, убиваетъ подчиненнаго.

Но если мы должны любить вообще ближняго, котораго, по объясненію Господа нашего Іисуса Христа, мы должны видѣть въ каждомъ челоукѣ — одного ли онъ съ нами рода и отечества, одной ли съ нами вѣры и церкви, или нѣтъ, — тѣмъ болѣе всякаго изъ принадлежащихъ къ одной съ нами церкви, — всякаго брата по вѣрѣ. Апостолъ Павелъ внушаетъ эту взаимную между христіанами любовь на томъ основаніи, что все вѣрующіе суть члены одного тѣла Христова. А слѣдовательно, если искренно любимъ своего Спасителя, то естественно должны любить и всякаго члена Его святѣйшаго тѣла. Взаимная любовь между вѣрующими, при всехъ и всегда неприятныхъ другъ съ другомъ столкновеніяхъ, по нашимъ частнымъ житейскимъ дѣламъ, есть доказательство нашей неизмѣнной крѣпкой любви къ самому Христу, котораго въ совокупности мы изображаемъ въ себѣ тѣломъ. И Св. Іоаннъ указываетъ на подобное же къ тому основаніе. Всякій вѣрующій, говоритъ онъ, что Іисусъ есть Христосъ, — отъ Бога рожденъ есть, — есть челоукъ Божій, чадо Божіево. Христъ, какъ истинномъ Сынѣ Божіемъ, и усвоенъ Богу. Но всякій любящій родившаго любить и рожденнаго отъ Него. Если мы истинно любимъ Бога, а слѣдова-

и соблюдаемъ всё Его заповѣди, то естественно заключать, что мы любимъ и дѣтей Божіихъ (V. 1 и 2). Приятно-ль было-бы родителямъ, если-бъ ихъ дѣти другъ друга ненавидѣли? И не справедливо-ли заключать, что эти дѣти не имѣютъ ни любви, ни почтенія къ своимъ родителямъ, когда изъ за какихъ-либо личныхъ столкновеній между собою, не стыдятся или не боются возмущать родительское чувство, тогда какъ если-бъ они истинно любили отца и мать, то это святое чувство непремѣнно должно-бы уничтожить всё ихъ дѣтскія размолвки? Сказавъ, что любовь къ намъ Божія открылась въ томъ, что Онъ послалъ въ міръ Сына своего единороднаго, чтобы чрезъ Него получили мы жизнь, чтобъ Онъ (т. е. Сынъ Его) былъ милостивцемъ за грѣхи наши и далъ намъ жизнь вѣчную. Св. Апостоль Іоаннъ дѣлаетъ такой выводъ: если такъ возлюбилъ насъ Богъ, то и мы должны любить другъ друга. (IV. 9 и 10). Можно-ли что сказать противъ этого? совершенно ничего, — заключение Апостола самое естественное. Кого — мы истинно любимъ, въ томъ любимъ все, что любить и онъ. Самыя слабости любимаго лица иногда бываютъ намъ любезны. Тѣмъ болѣе чувство нашей любви къ Богу должно простираться на все, что любить Богъ. Станемъ любить Его, т. е. Бога, говорить Апостоль, за то что Онъ насъ прежде возлюбилъ, — возлюбилъ тѣ е. тогда, когда еще не видѣлъ ни какихъ доказательствъ нашей къ Нему любви. Но что-жъ дальше? Но кто говоритъ: я люблю Бога, а брата своего ненавижу, тотъ лжетъ, продолжаетъ онъ, ибо не любящій брата котораго видитъ, какъ можетъ любить Бога, котораго не видитъ, — особенно когда мы имѣемъ отъ Него прямую заповѣдь, чтобъ любящій Бога, любилъ и брата своего (IV. 19—21)? Это такое психологическое доказательство. Въ самомъ дѣлѣ, какъ всё возвышенныя мысли, такъ и всё возвышенныя чувства мы воспринимаетъ и развиваемъ въ душѣ своей не иначе какъ чрезъ соприкосновеніе съ предметами и подлежащими нашимъ внѣшнимъ чувствамъ; внѣшній міръ, съ своими впечатлѣніями на эти внѣшнія чувства,

пробуждаетъ въ насъ и внутреннія — высокія чувства къ тому, что не кажется только, а что само въ себѣ есть истинное, доброе и прекрасное. Прежде мы приходимъ въ сочувствіе съ видимымъ міромъ, особенно съ тѣмъ, что въ немъ есть живаго, а еще болѣе съ тѣмъ, что одной съ нами природы, — съ братьями своими и уже чрезъ это чувство нашей любви, время отъ времени болѣе и болѣе утончаясь, приходитъ въ сочувствіе съ источникомъ всякой жизни, — первообразомъ челоуѣка, Богомъ. Если-жъ ты не воспиталъ въ себѣ святаго чувства любви въ средѣ подобныхъ тебѣ челоуѣковъ, съ которыми ты всякій день приходишь въ видимое общеніе, обмѣниваясь съ ними мыслями, чувствами и желаніями, внѣ общенія съ которыми, среди всѣхъ удовольствій скучаешь, такъ что въ глазахъ твоихъ теряется цѣну все, что въ той предъ тобою природѣ ни видишь ты прекраснаго: то какъ же ты можешь любить существо высочайшее, непредѣльное, чисто духовное, — недостигаемое не только для нашихъ чувствъ, но и уму нашему непостижимое. Если сердце твое такъ грубо, что не можетъ любить и подобнаго тебѣ челоуѣка, съ которымъ ты находишься во вседневномъ, ближайшемъ живомъ соприкосновеніи, то какъ расположишь его любить Бога, съ которымъ ты можешь соприкасаться только духомъ, для него требуется самое утонченное чувство сердца? Можно составить себѣ самое возвышенное понятіе о Богѣ, но если ты не воспиталъ въ своемъ сердцѣ ибжнаго чувства любви къ ближнему и сродныхъ съ нимъ чувствъ благодати, милосердія, состраданія, то это самое возвышенное понятіе, составившееся въ твоемъ умѣ будетъ холодное, призрачное; оно высоко будетъ носиться надъ твоей душой, но не коснется, не затронетъ твоего сердца; какъ ни будь возвышенно твое о Немъ понятіе, въ немъ не будетъ того, что собственно и составляетъ существо Его, — того, кто, по выраженію св. Іоанна, весь есть любовь. Св. Іоаннъ въ посланіи къ св. Іоанну Св. Іоаннъ эту заповѣдь о любви къ ближнимъ называетъ древнею и новою. Возлюбленные, пишетъ онъ, что только въ

томъ любовь Божія совершилась, кто исполняетъ все Его заповѣди, я вамъ пишу не новую заповѣдь, а заповѣдь древнюю, которую вы имѣли отъ начала... но при томъ и новую, что есть истинно, только въ Немъ и въ васъ: ибо только теперь тьма проходитъ и засвѣтилъ свѣтъ истинный (II. 5—8). Вы, пишеть онъ, имѣли эту заповѣдь отъ начала, съ какого-жь начала? Съ самаго времени сотворенія человѣка, гдѣ-жь? во внутреннемъ законѣ Его—совѣсти, почему оно и сдѣлалось одною изъ главнѣйшихъ заповѣдей Моисеева закона (Лев. XIX. 18, Лук. X. 27). Но передъ пришествіемъ Христовымъ стала забываться, какъ-бы изветшала. Иудейскіе учителя ложно стали толковать ее, ограничивая кругомъ ближнихъ только по плоти, по мѣсту, по вѣрѣ (Лук. X. 29, Мат. III. 43), и требовала поднаго обновленія. Это полное обновленіе и такъ сказать, оживленіе она дѣйствительно получила прежде всего во Христѣ, а по слову и примѣру Его стала проявляться и въ вѣрующихъ во Христа, въ христіанахъ; потому что только Господь Иисусъ Христосъ, какъ свѣтъ міра освѣтилъ весь міръ своимъ ученіемъ и жизнью, исполненнаго дѣлами челоѣколюбія—освѣтилъ такъ эту тьму, въ которой засталъ Онъ родъ челоѣческой, что только съ Его времени люди стали узнавать въ Богѣ своего отца, а другъ въ другѣ—своихъ братьевъ и только въ одномъ самолюбіи, и отъ него происходящихъ гордости, превозношеніи надъ другими, своекорыстіи и грубой чувственности видѣли—своихъ злѣйшихъ враговъ. Теперь, говорятъ Св. I. Богословъ, тьма проходитъ и свѣтъ истинный сталъ свѣтить. Но кто говоритъ, за симъ продолжаетъ Апостоль, что Онъ въ этомъ свѣтѣ, т. е. въ свѣтѣ, какой внесъ въ міръ Христосъ, а брата своего по прежнему ненавидитъ, тотъ все еще во тьмѣ. Кто любитъ брата своего, тотъ только пребываетъ въ свѣтѣ и нѣтъ въ немъ преткновенія, чтобъ ему упасть,—а кто ненавидитъ брата своего, тотъ во тьмѣ; во тьмѣ онъ ходитъ, не понимая самъ, куда идетъ, такъ какъ злоба и ненависть, какъ тьма, ослѣпила ему глаза (II. 8—11).

Какъ же мы должны любить ближняго? Есть и на это отвѣтъ. Св. Іоанна Богослова (1-е посланіе, гл. 4, ст. 20) говоритъ: «Вотъ только тогда мы узнаемъ (удостоверяемся), что мы отъ истины, (что мы т. е. истинные христіане), когда можемъ успокоивать предъ Нимъ сердца наши: ибо, если осуждаетъ насъ и сердце наше, (при такой т. е. любви, когда мы только высказываемъ ее на словахъ и языкомъ, а не дѣломъ и истиною), кольми паче Богъ, т. е. осудитъ насъ, — Богъ, который болѣе (котораго т. е. судъ для насъ долженъ быть болѣе или важнѣе и страшнѣе суда) нашего сердца, такъ какъ Онъ знаетъ въ насъ все. Если же сердце наше не осуждаетъ насъ (когда т. е. мы любимъ братьевъ своихъ дѣломъ и истиною, или когда мы любимъ другъ друга отъ сердца), тогда мы имѣемъ свободный доступъ къ Богу, — такъ что, чего-бы тогда ни просили у Него, все получимъ отъ Него, потому что въ такомъ случаѣ мы истинно соблюдаемъ Его заповѣди и дѣлаемъ благоудное предъ Нимъ, такъ какъ въ сущности заповѣди Его, чтобъ мы вѣровали во Имя Сына Его Іисуса Христа и любили другъ друга, какъ Онъ заповѣдалъ намъ. Соблюдающій эту заповѣдь въ Немъ пребываетъ и Богъ въ немъ. А что человекъ, соблюдающій заповѣдь о любви, пребываетъ въ Богѣ, это мы узнаемъ по духу, который Онъ далъ намъ (III, 18—24). Въ самомъ дѣлѣ, когда мы любовью свою обнаруживаемъ къ ближнему только хвѣласковыхъ словахъ и на языкѣ, тогда какъ видимъ, что онъ нуждается въ нашей помощи, а въ насъ есть возможность оказать требуемую помощь, не осуждаетъ ли насъ въ этомъ наше собственное сердце — т. е. наша совѣсть? Не имѣемъ ли мы помочь ему на дѣлѣ, въ такомъ случаѣ, конечно, довольно, если пожалѣемъ, поскорбимъ съ нимъ, такъ какъ и это можетъ послужить ему въ облегченіе, но когда можемъ пособить въ самымъ дѣломъ, если не изъ своего имущества, то изъ имущества другаго, къ которому имѣемъ доступъ, и однако-жь отказываемъ ему въ

своемъ содѣйствіи, тогда совѣсть очевидно укоряетъ насъ за то, почему ты не оказалъ помощи ближнему, имѣя къ тому возможность? Но если въ такихъ случаяхъ осуждаетъ насъ совѣсть, приводя насъ въ смущеніе и не давая намъ покоя, то не тѣмъ-ли паче осуждаетъ Богъ, который для насъ важнѣе нашей совѣсти, и котораго судъ гораздо строже, такъ-же какъ Онъ знаетъ въ насъ все даже то, что можетъ укрываться отъ нашей совѣсти, которую иногда мы различными вымышленными предлогами ослѣпляемъ? во 2-хъ: Молитесь за братьевъ, несли кто изъ васъ впадаетъ въ какое нибудь прегрѣшеніе. Если говоритъ св. Іоаннъ, кто видитъ брата своего, согрѣшающаго грѣхомъ не къ смерти, пусть молится о немъ, и Богъ дастъ ему жизнь т. е. согрѣшающему то не къ смерти. Есть грѣхъ къ смерти. Не о томъ, я говорю, молитесь. (Vъ 16). Если любовь наша обязываетъ насъ помогать ближнему въ нуждахъ тѣлесныхъ, то еще болѣе въ духовныхъ, отъ которыхъ зависитъ судьба человѣка не временная, а вѣчная. Но почему св. Апостолъ заповѣдуетъ, молиться не о всякомъ грѣшникѣ, но только о согрѣшившемъ грѣхомъ не къ смерти? Смерть есть вообще оброкъ грѣха, слѣдовательно всякаго грѣха, а по словамъ этого Апостола есть грѣхъ къ смерти, а есть грѣхъ и не къ смерти. Какой же это грѣхъ не къ смерти? Сказавъ, что есть грѣхъ не къ смерти, кажется въ объясненіе такого грѣха, тотчасъ за этимъ онъ говоритъ: мы знаемъ, что всякій рожденный отъ Бога (т. е. истинный христіанинъ) не согрѣшитъ, но, какъ рожденный отъ Бога, хранивъ себя и лукавый не прикасается къ нему. Рожденный отъ Бога не грѣшитъ. Это выраженіе можно понимать буквально о христіанинѣ только на послѣдней степені совершенства, когда онъ достигаетъ мѣры полнаго возраста Христова, когда уже онъ не будетъ колебаться ни въ умственномъ, ни въ нравственномъ отношеніи. Въ этомъ нужно полагать и цѣль воплощенія Сына Божія, какъ нами и прежде замѣчено, но, какъ въ эту мѣру онъ можетъ войти только по смерти, по окончаніи испытательнаго со-

стоянія среди козней діавола, то относительно этой жизни выраженіе Апостола: нельзя такъ разумѣть, чтобъ онъ уже и не могъ грѣшнить, на что указываетъ и послѣдующее: *но блюдетъ себя, отъ лукаваго*. Да и въ 1-й главѣ 1-го посланія сказано: если бы мы сказали о себѣ, что въ насъ нѣтъ грѣха, то мы обманываемся (8). И такъ выраженіе Апостола въ приведенномъ мѣстѣ рожденный отъ Бога не грѣшнить, — нужно разумѣть съ такимъ ограниченіемъ, что рожденный отъ Бога, — принадлежитъ къ святому семейству чадъ Божіихъ, — оберегается отъ всякаго грѣха, чтобъ не дать лукавому т. е. діаволу снова овладѣть собой. Слѣдовательно, если въ чемъ и согрѣшить, то, или по невѣденію, по нечаянности, по немощи, по крайности своего положенія, а не намеренно, не по вѣрѣ, не по склонности ко грѣху; слѣдовательно такъ, что образумившись раскаивается въ своемъ грѣхѣ, исповѣдуетъ его предъ Богомъ и снова дѣлается тѣмъ же, чѣмъ былъ прежде, — все таки живымъ членомъ тѣла Христова, т. е. Его Св. церкви; всѣ же прочіе грѣхи нужно считать болѣе или менѣе не извинительными, или иначе, непростительными, — болѣе или менѣе смертными, по мѣрѣ участія въ нихъ нашей воли и нашего сердца. Кто грѣшнить и, сознавая, что грѣшнить, этимъ нисколько не смущается, а напротивъ еще тщеславится, похваляется, такой грѣшнить очевидно къ смерти, такъ какъ въ немъ время отъ времени замираетъ то, что связуетъ его съ Христомъ и Его святою церковію, — вѣра во Христа и Его Божественное ученіе, любовь къ Богу и Своему Спасителю, надежда на все, обещанное во Христѣ — эти три узла, соединяющіе насъ со Христомъ и Его святою церковію, особенно если онъ еще ожесточается, не только теряя вѣру во все, что превышаетъ его разумъ и выходитъ изъ порядка всего естественнаго, но и дозволяетъ себѣ еще глумиться, открыто глумиться надъ вѣрующими и этимъ соблазнять слабыхъ, чрезъ что дѣлается не только самоубійцей, но и челоукоубійцей, — челоукоубійцей въ томъ же смыслѣ, въ какомъ и діаволъ называется челоукоубійцей искони. Всѣ

такого рода грѣхи мы должны считать грѣхами къ смерти, или смертными, по ихъ совершенному сходству съ тѣмъ грѣхомъ, который Самъ Господь Иисусъ Христосъ назвалъ непрощительнымъ ни въ сей жизни, ни въ будущей, — т. е. со грѣхомъ противъ Духа Святаго. Всякій грѣхъ и хула отпустятся чело-
вѣкамъ, сказалъ Онъ дважды, по случаю, когда нѣкоторые изъ Фарисеевъ, учителей Иудейскихъ, слыша, что Онъ изгоняетъ ѿсцовъ, и сами даже это видя, говорили, будто это Онъ дѣ-
лаетъ силою не Божественною, а ѿсцовскою, — всякій грѣхъ и хула отпустятся чело-
вѣкамъ, но хула на Духа Святаго не от-
пустятся чело-вѣкамъ. Кто сказалъ-бы какое нибудь слово про-
тивъ Сына Человѣческаго, такъ Онъ называетъ себя, отпустится ему, а кто скажетъ что нибудь въ хулу Св. Духа, не отпустит-
ся ему ни въ сей вѣкъ, ни въ будущей (Мат. XII. 31 и 32. Мар. III. 28 и 30. Лук. XII. 10). Что значить, вопрошаетъ св. Златоустъ, что этотъ грѣхъ преимущественно непрощите-
левъ? Почему? и отвѣчаетъ: Христа въ то время еще не зна-
ли, но о Духѣ уже всѣ имѣли достаточное познаніе, такъ всѣ
ихъ пророки говорили по вдохновенію Св. Духа. Но изгонять
ѿсцовъ и совершать всѣ исцѣленія есть дѣло только Духа Свя-
таго. И такъ, говоря народу, что Онъ (Иисусъ Христосъ) из-
гоняетъ ѿсцовъ силою ѿсцовскою, враги Его поносили не Его
только, но и Св. Духа, котораго знали, слѣдовательно, прямо
противъ своей совѣсти и съ злымъ намѣреніемъ. Такимъ обра-
зомъ грѣхъ такихъ людей непрощителенъ, не со стороны Бо-
га, а со стороны ихъ самихъ, — по причинѣ ихъ упорства и
вераскайности, потому что они шли намѣренно противъ Бо-
жественной истины, — по ожесточенію своего сердца. Невоз-
можно, говорить св. Ап. Павелъ, уже просвѣщенныхъ и вку-
сившихъ дара небснаго и содѣлавшихся причастниками Духа
Св. и вкусившихъ благаго Божія глагола и силы будущаго вѣ-
ка и ли отпадшихъ т. е. отъ вѣры во все это, снова обновлять
покаяніемъ, когда они снова распинаютъ Сына Божія и поно-
сятъ Его (Евр. VI. 4—6) и въ другомъ мѣстѣ: если мы по-

лучивъ познаніе истины, произвольно грѣшимъ, — то уже не остается жертва за таковыя грѣхи, а предстаетъ страшное нѣкое ожиданіе суда и яростный огонь, готовый пожрать противниковъ (Евр. X. 26—27). Какъ родиться, такъ и возродиться въ жизнь вѣчную можно только однажды. Въ болѣзни можно помогать, хотя бѣ она возвращалась нѣсколько разъ; впрочемъ замѣчаютъ, что повторяющаяся болѣзнь время отъ времени дѣлается опаснѣе и все менѣе и менѣе подается врачеванію. Но когда человѣкъ умираетъ, тутъ уже никакія врачевства не помогутъ, такъ какъ въ мертвомъ нѣтъ уже способности къ ихъ усвоенію. Тоже должно сказать и объ умершихъ по духу. Почему, заповѣдая молиться о согрѣшающихъ грѣхомъ только не къ смерти, Апостолъ замѣчаетъ есть грѣхъ къ смерти, не о такомъ, говорю, молиться: ибо что — же молиться о неподдающемъ ни какой надежды? Чтобъ болѣе расположить вѣрующихъ къ молитвѣ за согрѣшающихъ братьевъ, Апостолъ Іаковъ прибавляетъ: если кто изъ васъ уклонится отъ истины, а другой обратитъ его (т. е. опять къ истинѣ), тотъ знай, говоритъ, что обратившій грѣшника отъ ложнаго пути его, спасетъ душу отъ смерти и покроетъ множество грѣховъ (Іак. V. 19и20). Спасетъ душу отъ смерти. Чью душу? Конечно уклонившагося съ пути, — грѣшника. И покроетъ множество грѣховъ. Чьихъ грѣховъ? Нѣкоторые думаютъ не его, — не того т. е. грѣшника, котораго душу спасетъ онъ отъ смерти, ибо если спасетъ говорятъ, то само собою разумѣется, отпустятся согрѣшившему и всѣ грѣхи его, а множество и его собственныхъ грѣховъ. Любовь, оживляя другаго, оживляется и сама. Но какъ Ап. Іаковъ, приглашая вѣрующихъ къ молитвѣ за болящаго, заключаетъ это словами: ибо много можетъ молитва праведнаго, а не грѣшнаго и за тѣмъ уже начинаетъ рѣчь объ обращеніи сбившагося съ пути праваго, то вѣрнѣе заключать, что, сказавъ, что обращеніемъ заблудшагося грѣшника онъ спасетъ душу его, слѣдующими словами и покроетъ множество грѣховъ, объясняетъ, чѣмъ именно спасетъ его душу, — тѣмъ именно что покроетъ множество его грѣховъ.

Но особенно любовь наша къ ближнему выражается, по слову св. Іоанна въ 3-хъ, готовностію положить за него душу свою, по примѣру Господа нашего І. Христа. Любовь къ намъ Божія открылась въ томъ, что Онъ послалъ въ міръ единого роднаго Сына своего, чтобъ мы получили чрезъ Него жизнь. Возлюбленные, если такъ возлюбилъ насъ Богъ, то и намъ должно любить друга друга (IV. 9—11) и не просто любить, а также разумѣется, какъ возлюбилъ насъ Богъ. Эту мысль онъ самъ же прямо выражаетъ въ другомъ мѣстѣ: Любовь, нищеть, познали мы въ томъ, что Онъ (І. Хр.) положилъ за насъ свою душу. Посему и мы, заключаетъ, должны полагать души за братьевъ (III. 15—16). На такой только любви и держится, такую только любовію и охраняется жизнь во всѣхъ областяхъ и самой вещественной природы. Въ царствѣ не только рода человѣческаго, но и въ царствѣ неразумныхъ животныхъ, все рождается слабымъ, безъ всякихъ средствъ къ оборонѣ и защитѣ себя отъ враждебныхъ нападеній. Что было бы съ молодымъ поколѣніемъ, если-бы оно и тамъ и здѣсь не охранялось, не защищалось любовію своихъ родителей и любовію именно готовою на всякое самопожертвованіе для дѣтей своихъ? Всѣ ихъ роды, виды, племена и народы давно-бы уже перевелись на землѣ; если-бы Господь не вложилъ такой любви въ сердца рождающихъ. Родители съ дѣтьми составляютъ естественное общество. Но и всякое другое общество, составленное на началахъ нашей свободы можетъ продолжаться и преуспѣвать въ своемъ развитіи не иначе, какъ съ готовностію своихъ членовъ на всякія пожертвованія, какихъ ни потребуетъ положеніе ихъ общества не жизнь, такъ имуществомъ, временемъ, свободою; безъ того они разоряются и пропадають, какъ метеоры. Если въ этихъ обществахъ и нѣтъ взаимной любви, то самая разчетливость располагаетъ насъ ко всякимъ жертвамъ для ихъ поддержанія въ надеждѣ, что современемъ наши жертвы вознаградятся въ нѣсколько кратъ. А вѣдь общество вѣрующихъ въ Бога и Христа, — нашего съ Нимъ посредника и искупите-

ля—Христова церковь есть общество не внѣшнее только, но и внутреннее, представляющее въ себѣ тѣло своего Христа, испитителя, одушевляемое и духомъ Его; слѣдовательно общество соединенное и со внѣ и внутри самими крѣпкими узами, какъ всѣ члены живаго тѣла, гдѣ каждый сочувствуетъ другому. Это не то искусственное тѣло, какое представляетъ въ себѣ всякое человеческое гражданское или социальное общество, проникнутое не живымъ духомъ, а только какою-нибудь общою идеею, даже и не то, что самое естественное общество, каково всякое обыкновенное семейство, которое одушевляется болѣе или менѣе однимъ духомъ съ своими родоначальниками. Духъ, одушевляющій святое общество во имя Христа,—неизвѣстный только характеръ родоначальника, не мысль, не идея живая, не чувство живое, а духъ въ собственномъ смыслѣ, духъ живой и притомъ Божественный, какъ живая душа, проникающая всѣ члены тѣла, въ совокупности и каждый членъ отдѣльно; а тѣло имъ одушевляемое есть не простое собраніе различныхъ лицъ, соединенныхъ между собою только идеально, во имя Христово, а есть самъ Христосъ, Котораго тѣла и крови всѣ мы приобщаемся. Слѣдовательно всѣ члены Христовой церкви должны любить свою церковь, какъ самаго Христа, а во Христѣ и всѣхъ братій, какъ членовъ одного и того же Христа. А что сказалъ Господь Иисусъ Христосъ о любви, какой Онъ отъ насъ требуетъ? Всякій любящій отца, или мать, жену или дѣтей больше меня не достоинъ меня. Въ другомъ мѣстѣ: кто не возьметъ креста своего и за Мною не послѣдуетъ, не есть мой ученикъ. Если-же мы должны любить Христа больше самихъ себя, то и святую Его церковь. Но церковь есть не отдѣльное лицо, а общество всѣхъ вѣрующихъ во Христа. Слѣдовательно на подобныя жертвы, даже на самопожертвованія мы должны быть готовы и для блага ближняго. Преслѣдуютъ его враги креста Христова, угрожаетъ гибель душѣ его, усиливается совратить его съ пути Христова, возводить на него клеветы, чтобъ посрамить въ немъ носимое имъ имя Христово,

всякій истинный христіанинъ, прикосновенный къ дѣлу оклеветаннаго, или знающій о немъ, обязанъ употреблять всѣ усилія защитить честь брата своего, хотя-бъ на это нужно пожертвовать и временемъ и даже честью и даже большимъ того, а не уклонятся отъ свидѣтельства и не опасаться прикосновенности къ его дѣлу невѣденіемъ: „не видалъ, не слыхалъ не знаю“ и т. п. Защищая честь брата, онъ вступается за честь всей церкви, воинствуетъ за самаго Христа, если онъ живой членъ тѣла Христова. Погибаетъ-ли отъ себя братъ его по вѣрѣ отъ какихъ либо заблужденій по дѣлу вѣры и христіанской жизни, развращается умомъ и сердцемъ, живетъ вопреки Евангельскому закону, измѣняетъ завѣту, заключенному кровію нашего Спасителя, всякій изъ его собратій по долгу христіанской любви самъ, или чрезъ другихъ братьевъ долженъ позаботиться вразумить его и удержать отъ дожнаго пути, ведущаго его на погибель, хотя-бы для того надлежало употребить много времени и большихъ усилій, что сдѣлалъ однажды и самъ Апостоль Іоаннъ для юноши, который, воспитываясь у епископа, ученика его, наконецъ убѣжалъ, приставши къ шайкѣ разбойниковъ. Несмотря на свою дряхлость, Апостоль рѣшился самъ идти къ нему и бѣжалъ за нимъ до тѣхъ поръ, пока тотъ устыдившись, самъ не отдался ему и возвратился къ нему. Но что дѣлать, если заблудшій упорствуетъ въ своемъ заблужденіи? Тогда, примѣнительно къ заповѣди самаго Господа І. Христа, данной ученикамъ Его, по поводу вопроса Ап. Петра, что дѣлать человекъ, если противъ него согрѣшилъ братъ его, — повторить убѣжденіе чрезъ людей, къ которымъ онъ имѣетъ болѣе довѣрія, не послушаетъ ихъ, повѣждь церкви и только тогда представить его въ руки Правосудія, когда-бъ онъ отказывался отъ всякаго послушанія и церкви. Но и въ такомъ случаѣ нужно своего рода самоотверженіе, по заповѣди Апостольской, онъ долженъ отказать себѣ отъ всякаго съ нимъ общенія, хотя-бы это былъ другъ, даже и братъ его по крови, не изъ ненависти къ нему, какъ ко врагу, а чтобъ только при-

стыдить его, по слову Ап. Павла, и тѣмъ возбудить чувство раскаянія и спасти душу его отъ смерти.

Заповѣдуя любить Бога и ближнихъ, св. Іоаннъ остерегаетъ отъ любви и привязанности къ міру и ко всему, что любятъ въ мірѣ. Сказавъ о необходимости любить ближняго, онъ продолжаетъ: пишу т. е. объ этомъ, чтобъ вы любили Бога и ближняго, объ этомъ пишу вамъ дѣти потому, что вамъ прощены теперь грѣхи ваши ради имени Его (ради т. е. имени Христа, очищающаго насъ отъ грѣховъ, нашего предъ Отцемъ ходатая); вамъ отцы, потому что вы теперь познали первоначальнаго, вамъ юноши, потому что вы теперь побѣдили лукаваго, вамъ отроки, потому что вы познали въ немъ теперь своего отца, т. е. во Христѣ-же, какъ въ новомъ нашемъ родоначальникѣ. Не любите-же съ этихъ поръ міра, ни того что въ мірѣ: кто любитъ міръ, въ томъ нѣтъ любви отчей, такъ какъ все что въ мірѣ, какъ-то похоть плотская, похоть очей и гордость житейская, не отъ Отца, но отъ міра. Но міръ проходитъ, а съ нимъ и похоть его, а исполняющій волю Божию пребываетъ неизмѣннымъ въ вѣкъ (II. 12—17). Порядокъ мыслей здѣсь кажется такой. Богъ есть чистѣйшій свѣтъ, въ которомъ тьмы нѣтъ ни какой, — свѣтъ всѣхъ просвѣщающій свѣтомъ истины и всѣхъ освящающій. Но если мы только зная Его, хвалимся Его съ нами общеніемъ, а ходимъ во тьмѣ, живемъ т. е. несогласно съ правильнымъ о Немъ понятіемъ, то мы лжемъ, такъ какъ, зная истину, не поступаемъ по истинѣ. Тогда можемъ сказать, что мы истинно познали Его, когда, зная Его, исполняемъ заповѣди Его, ибо въ такомъ случаѣ показываемъ, что въ насъ совершилась любовь, какая въ Немъ. Вотъ когда мы можемъ сказать о себѣ, что мы дѣйствительно въ Немъ, такъ какъ пребывающій въ Немъ, естественно долженъ стараться и самъ быть такимъ, каковъ Онъ. Объ этомъ пишу вамъ, чтобъ т. е. и въ нихъ совершилась любовь Божія (которая доказывается исполненіемъ всего, угоднаго Ему) потому, что теперь вы уже очищены отъ грѣховъ ради Его имени,

что вы въ Немъ узнали первоначальнаго, а въ лицѣ Его и своего отца, — усыновлены Богу во имя Его и силою Его побѣдили лукаваго, водворившаго грѣхъ во всемъ мірѣ. Такъ любите-же Его и старайтесь исполнять все угодное Ему. Но любя что Богъ любитъ, не любите того, чего не любитъ Онъ, — не любите міра, ни того, что любить въ мірѣ, ибо кто любить міръ, который весь во грѣхѣ, тотъ не любитъ этого Отца, такъ какъ въ мірѣ, — похоть плоти, похоть очей и гордость житейская не отъ Отца вашего, а собственное порожденіе развращеннаго міра, тѣмъ болѣе, что міръ, проходящій, какъ и похоть его, а исполняющій волю Божию, пребываетъ въ вѣкъ. Теперь намъ нужно уяснить себѣ нѣкоторыя термины — т. е. слова и нѣкоторыя выраженія въ рѣчи Апостола. *Не любите міра, ни того, что въ мірѣ.* Что разумѣть св. Іоаннъ подъ словомъ: *міръ*? Отъ какого міра отвращаетъ наше сердце? Подъ міромъ обыкновенно мы разумѣемъ совокупность всего, сотвореннаго Богомъ, а частіе, весь родъ человѣческой, или весь кругъ людей, среди которыхъ мы живемъ. Въ этомъ смыслѣ слово *міръ* встрѣчается и во многихъ мѣстахъ Св. писанія. Но здѣсь св. Апостоль это слово разумѣть не въ такомъ смыслѣ. Подъ этимъ словомъ онъ разумѣетъ большую, а слѣдовательно и худшую часть рода человѣческаго, — кругъ людей болѣе или менѣе нравственно испорченныхъ или *міръ* — общество людей развращенныхъ, а не такихъ, какими они вышли изъ рукъ Творца и какими должны быть по волѣ Его. Подъ всѣмъ, что въ этомъ развращенномъ мірѣ, все, что любятъ люди этого міра, къ чему они питаютъ въ себѣ пристрастіе и чѣмъ они водятся во всей своей жизни, — есть, по выраженію этого Апостола, похоть плоти, похоть очей и гордость житейская. *Похоть плоти* — это всѣ извращенныя въ насъ животныя инстинкты, — пристрастія къ пищѣ и питію, когда онѣ лѣзятъ нашему вкусу, ко сну, или безвременному покою, — вообще все, чѣмъ мы чрезмѣрно стараемся угодить требованіямъ нашей плоти. *Похоть очей* — это желаніе имѣть у себя все, что по-

падаетъ на наши глаза и дѣйствуетъ на насъ видомъ-ли красоты, пріятности для нашихъ чувствъ или полезности. *Гордость житейская*—это самомнѣніе, превозношеніе предъ другими и тщеславіе. Не любить этого міра, значить не любить страстей и ничего возбуждающаго въ насъ страсти, дурные помыслы, грѣховныя чувства, вообще жизнь людей, занявшихъ себѣ правила не отъ Бога, а измышляющихъ свои, какъ объясняетъ Апостолъ, называя живущихъ по ученію Христову и учащихъ тому-же другихъ людьми отъ Бога, или *рожденными отъ Отца*, а мыслящихъ и живущихъ по мірски или подъ вліяніемъ своей же растлѣнной природы, что почти все равно, не отъ Отца, а отъ міра (II. 16) и даже хуже того,—отъ діавола. Другое побужденіе не любить міръ у Апостола состоитъ въ томъ что міръ преходитъ, т. е. въ образѣ мыслей, въ своихъ взглядахъ, въ образѣ жизни, въ своихъ привычкахъ и правилахъ съ каждымъ вѣкомъ, а иногда и съ каждымъ годомъ измѣняется; однѣ мысли, замѣняетъ другими, одинъ образъ жизни другимъ и проч., что прежде называлось истиннымъ, то съ появленіемъ новыхъ глашатаевъ истины, отмѣчается какъ заблужденіе, что казалось прежде пріятнымъ и прекраснымъ—плодомъ цивилизаціи, то уже начинаетъ называться устарѣлымъ, надъ чѣмъ начинаютъ даже и смѣяться. Почему мірской человѣкъ не можетъ никогда найти себѣ покоя и полного удовлетворенія своему духу; а исполняющій волю Божию—все созерцающій и живущій въ свѣтѣ лица Божія,—пребываетъ въ вѣкѣ (18), какъ стоящій на какой нибудь скалѣ, среди всѣхъ волненій, какія бывають въ мірѣ,—во всю свою жизнь стоитъ непоколебимо, не увлекаясь потокомъ событій, измѣняющихъ міръ, какъ сынъ вѣчнаго, никогда не измѣняемаго царства Божія: такъ какъ Богъ неизмѣнный въ существѣ своемъ, неизмѣненъ и во всѣхъ проявленіяхъ и разума, и воли, и своего, такъ сказать, сердца. Разумъ человѣческій, какъ показываетъ исторія, безпрестанно противорѣчитъ самому себѣ,—въ истинѣ не стоитъ. Но слово Божіе отъ первыхъ Его проповѣдниковъ до

послѣднихъ—одно и то же; все что отъ начала челоуѣка еще считалось истиннымъ, добрымъ и прекраснымъ, въ дѣлѣ вѣры и благочестія, въ обществѣ святыхъ людей Божіихъ, то и нынѣ и до конца вѣка въ святой Божіей церкви будетъ все признаваемо за то же, съ тѣмъ различіемъ, что все, открытое намъ въ книгахъ ветхаго завіта, въ книгахъ новаго завіта опредѣленнѣе, яснѣе и полнѣе. Апостоль Павелъ, между ветхимъ и новымъ завітомъ, находитъ такую противоположность такую же, какая между тѣломъ и его тѣнію. Но между тѣломъ и его тѣнію какая же противоположность, когда въ послѣдней одно и то же тѣло отражается въ разныхъ болѣе или менѣе опредѣленныхъ формахъ? Впрочемъ и это говоритъ Апостоль въ отношеніи къ однимъ только Богослужебнымъ обрядамъ ветхозавѣтной церкви. Во всемъ прочемъ ученіе обоихъ завітовъ не отличается ничѣмъ. Все Богооткровенное ученіе, на сколько оно сохранилось въ нашихъ свящ. книгахъ, отъ перваго Адама до послѣдняго Адама (Господа І. Христа), есть продолженіе одного и того же ученія о томъ, что для насъ должно быть истиннымъ, добрымъ и прекраснымъ, или тѣмъ, въ чемъ мы должны находить свои радости и свое блаженство.

ИНСПЕКТОРЫ

Воронежской Духовной Семинаріи.

(Продолженіе).

Архимандритъ Теофилактъ.

Архимандритъ Теофилактъ, въ мѣрѣ Теофанъ Праведниковъ, сынъ священника Гавріила Праведникова, Курской епархіи. Съ 1827 по 1833 г. обучался въ Курской Семинаріи, съ 1833—37 г. въ Кіевской Академіи; по окончаніи курса въ Академіи кандидатомъ, 25 сентября 1837 г. опредѣленъ учителемъ по греческому языку въ высшее отдѣленіе

Павловскаго училища, 29 апрѣля 1836 года инспекторомъ *Павловскихъ училищъ*, 25 августа 1838 года переведенъ въ *Воронежскую Семинарію по церковной исторіи и французскому языку*, 25 августа 1841 г. переведенъ на классы *исторіи русской церкви, церковныхъ древностей и обрядовъ и каноническаго права*, съ сохраненіемъ преподаванія французскаго языка, съ 3 ноября по 23 декабря 1845 года исправлялъ должность инспектора; 30 ноября 1845 г. постриженъ въ монашество, 6 декабря рукоположенъ во іеромонаха, 23 декабря опредѣленъ инспекторомъ; съ 3 ноября 1845 г. по 8-е мая 1846 г. безмездно исправлялъ должность учителя богословія во 2 высшемъ отдѣленіи, ⁸/₂₈ февраля 1846 г. переведенъ на богословскіе предметы во 2-е высшее отдѣленіе; 26 мая 1846 г. награжденъ набедренникомъ; 18 октября 1846 г. уволенъ по прошенію, отъ преподаванія французскаго языка, съ изъявленіемъ ему благодарности за примѣрно рачительное и успѣшное преподаваніе; 19 декабря 1846 г.—3 апрѣля 1848 г. безмездно исправлялъ должность ректора, съ сохраненіемъ учительской должности, 30 января 1847 г. по 3 апрѣля 1848 года исправлялъ должность *цензора проповѣдей*; 21 августа опредѣленъ былъ членомъ *холернаго Комитета*; 11 іюня по 15 іюля 1849 г. обозрѣвалъ воронежскія училища, 25 іюня по 26 августа 1850 г. исправлялъ должность ректора; въ концѣ 1850 г. возведенъ въ архимандрита и ректора Тамбовской Семинаріи, а за тѣмъ былъ возведенъ въ санъ Епископа Новгород. сѣверскаго, викарія Чернигов. епархіи, гдѣ и скончался въ январѣ 1869 года.

Въ бытность свою въ Воронежѣ на должности инспектора іеромонахъ Теофилактъ участвовалъ въ погребеніи Архіепископа Воронежскаго Антонія 2-го Смирницкаго (26 Дек. 1846.) и произнесъ слово слѣд. содержанія: „*Придите ко Мнѣ вси труждающіися и обремененніи, и Азъ упокою вы.* Матѣ. гл. II, ст. 28.

Не гласомъ радости живѣйшей и восторга сыновняго, но

горькимъ плачемъ и воздыханіями сердечными суждено намъ привѣтствовать тебя благостнѣйшій Архипастырь, въ настоящій Праздникъ Рождества Христова. Бывало ты въ свѣтлые дни онаго являешься среди насъ, какъ отецъ, веселящійся о хладѣхъ своихъ, и свѣтлымъ Ангело-подобнымъ взоромъ и рѣчію, исполненною мудрости и любви, вселяешь въ сердца всѣхъ утѣшеніе и отраду; а теперь златословесныя уста твои запечатлѣны печатью молчанія и радостнотворныя очи твои померкли и закрылись на всегда. Какая неожиданная и печальная перемѣна? Горько плакали нѣкогда сыны благочестиваго Патріарха Такова, лишившись въ немъ нѣжнѣйшаго отца; сильно рыдали сыны Израилевы по кончинѣ Моисея, своего вождя и законодателя; глубоко сокрушался и сѣтовалъ весь народъ о преставленіи Самуила, славнаго Пророка и судіи. Не можемъ, слушатели, и мы не сѣтовать и не скорбѣть, видя во гробѣ доблестнаго своего Архипастыря, мудраго вождя и благосерднѣйшаго отца. Да плачеть надъ гробомъ почившаго Іерарха весь ликъ Назареевъ, посвятившихъ себя на служеніе Богу — иноковъ, лишившись въ немъ опытнаго руководителя на многотрудномъ поприщѣ духовной жизни. Да рыдаетъ горькимъ плачемъ весь Соборъ Священно-Іереевъ и Левитовъ Божіихъ, не имѣя болѣе мудраго Архипастыря и благосерднѣйшаго Начальника. Да сѣтуетъ весь сонмъ сыновъ Пророческихъ, юныхъ питомцевъ Духовнаго вертограда; потому что нѣтъ уже наилучшаго покровителя и сердобольнаго ихъ отца. Весь Израиль, вся Богоспаемая Церковь Воронежская, разлучается на всегда съ Священно-Іерархомъ, возвеличившимъ и прославившимъ ее, Ангеломъ утѣшителемъ скорбящихъ и заступающихъ нищихъ, странныхъ и вдовицъ. Но воздавая слезами дань сердечной признательности и любви почившему въ Бозѣ Архипастырю, не будемъ скорбѣть подобно прочимъ, неимущимъ упованія. Поспѣшимъ растворить глубокую горестъ нашу утѣшеніемъ вѣры и упованія. Владыка жизни нашей Господь Іисусъ Христосъ въ божественномъ Евангеліи вотъ что между прочимъ обѣщаетъ

къ утѣшенію всѣхъ скорбящихъ: *Приидите ко Мнѣ вси труждающіися, и обремененніи, и Азъ упокою вы.* Да будетъ сіе отрадное приглашеніе Спасителя къ Себѣ всѣхъ труждающихся и обремененныхъ источникомъ нашего утѣшенія въ настоящемъ случаѣ.

Приидите, вѣщаетъ Господь, ко Мнѣ, источнику жизни и всякаго утѣшенія, приидите съ дерзновеніемъ сыновнимъ, съ упованіемъ живымъ на милосердіе Мое, приидите ко Мнѣ вси труждающіися, неослабно подвизающіися во всякомъ званіи и состояніи, не яко предъ челоуѣки только дѣлающе, но яко предъ Богомъ съ чистою совѣстію. Приидите, и Азъ упокою вы, въ обителяхъ Отца Моего небеснаго, отыму всякую слезу отъ очію ващею, облеку васъ славою и введу въ радость вѣчную, нескончаемую; а для сего возьмите иго Мое на себя и благодушно носите оное, служите Мнѣ съ вѣрою и усердіемъ, служите и ближнимъ вашимъ ради имени Моего; подвигомъ добрымъ подвизайтесь въ исполненіи Моего закона, ходите непорочно и творите правду. Возьмите иго Мое на себе, и обратите покой душамъ вашимъ.

Вотъ что милосердый Господь обѣщаетъ всѣмъ подвизающимся и труждающимся на землѣ въ духѣ живой вѣры и упованія; вѣчный покой для души и блаженное соединеніе съ Нимъ въ обителяхъ неба.

Что же? развѣ не подвизался, какъ благой дѣлатель въ вертоградѣ духовномъ почившій о Господѣ нашъ Архипастырь и отецъ? Развѣ не воспринималъ на себя и не несъ онъ спасительнаго ига Христова? Нѣтъ, сіе иго благое и бремя легкое, при помощи благодати, почившій Іерархъ, принялъ на себя еще отъ юности своея и несъ до самой кончины своей съ совершенною покорностію и преданностію Богу. Рано позналъ и почувствовалъ онъ суету міра и взыскалъ сокровища нетлѣннаго, еже есть на небесѣхъ; оставивъ родныхъ и близкихъ сердцу Хради Господа; приобѣгъ онъ подъ кровъ Святаго Кіевопечерскаго Давры, да въ семь училищъ благочестія, около

тридцати лѣтъ, поучаясь у нечлвннхъ моцей Угодниковъ Божіихъ, онъ почерпнулъ тотъ сугубый духъ иноческій и пастьерскій, который былъ источникомъ его доблестей Христіанскихъ, сколько высокихъ, столько же разнообразныхъ. Какъ отецъ иночествующихъ, воспитанный въ духъ Антонія и Θεодосія, Печерскихъ Угодниковъ, онъ продолжалъ и на поприщѣ Святительства вести прежній образъ строгой иноческой жизни. Устроивъ знаменитый Монастырь сей, и умноживъ число иночествующихъ, онъ первый для нихъ былъ образцомъ въ Ангельскомъ житіи, постоянно соблюдая воздержаніе и смиренномудріе, пребывая въ бдѣвіи, трудѣ и въ молитвѣ. Какъ Священно-Іерархъ, поставленный свыше ближайшимъ посредникомъ между Богомъ и людьми, онъ подобно Моусею былъ пламеннымъ и глубокимъ молитвенникомъ. Не смотря на слабость тѣлесныхъ силъ своихъ, онъ не преставаля возносить безкровную жертву въ сей Богоспасаемой обители и низводить дары благодати на своихъ чадъ духовныхъ. Вы сами, слушатели, конечно не разъ были свидѣтелями съ какимъ глубокимъ чувствомъ благоговѣнія и сердечнаго умиленія здѣсь, среди сонма предстоящихъ, просилъ онъ Всевышняго призрѣть милостивымъ окомъ съ небеси и посѣтить виноградъ сей, насажденный и утвержденный десницею Его. Какъ Богопросвѣщенный учитель, онъ наставляя всѣхъ и каждаго, съ Апостольскою простотою, въ иѣтинахъ Православныя вѣры: неопытныхъ вразумляя, согрѣшающихъ обличая съ кротостію, скорбящихъ утѣшая, немощныхъ и сларыхъ духомъ ободряя и подкрѣпляя на пути благочестія, кратко сказать, онъ бесѣдовалъ со всѣми, какъ отецъ и съ нѣжно любимыми имъ дѣтьми, *свидѣтельствуй о ближнимъ и дальнимъ еже къ Богу покаяніе и вѣру, яже въ Господа нашего Иисуса Христа.* Дѣян. гл. 20, ст. 21. Какъ блюститель и правитель церкви Божіей съ неутомимою ревностію обтекаль онъ грады и веси, наставляя всѣхъ въ вѣрѣ и благочестіи, съ отеческою кротостію исправляя недостатки и погрѣшности пастьрей и пасомыхъ, ограждая слабыхъ отъ

притѣненія сильныхъ; милостиво призиралъ убогихъ и сирыхъ, вспомоествуя имъ отъ щедротъ своихъ, и водворяя повсюду миръ и благословеніе. Какъ покровитель духовнаго просвѣщенія, онъ подобно Самуилу, ежегодно посѣщала училища духовныя, съ кротостію внималъ дѣтскому лепетанію шитомцевъ, ободрялъ юные ихъ таланты, изыскивалъ и доставлялъ средства къ безбѣдному ихъ содержанію, поощрялъ милостями и наградами дѣлателей духовнаго вертограда, а въ особенності, желая духовное образованіе утвердить на прочномъ основаніи, тщательно старался какъ учащихъ, такъ и учащихся воспитать духомъ Православія. Какъ доблестный сынъ Отечества, онъ постоянно являлъ въ себѣ величайшій образецъ пламенной любви и преданности къ престолу Царскому, былъ истиннымъ другомъ Человѣчества, Ангеломъ утѣшителемъ народа и сердобольнымъ отцемъ сирыхъ и убогихъ. Наконецъ, какъ избранное орудіе Царя Христа въ благодатномъ Царствіи Его, онъ имѣлъ утѣшеніе послужить къ открытію нетѣльныхъ Мощей свыше прославленнаго Угодника Божія, Митрофана, былъ ближайшимъ свидѣтелемъ и провозвѣстникомъ его чудотвореній. Какіе свѣдѣныя, величественныя виды, какіе утѣшительныя для сердца образы, являются взору нашему въ жизни сего великаго Іерарха! Можно сказать не обинуясь, что смиренномудрый Архіпастьрь нашъ Антоній въ теченіи земной жизни своей, при помощи благодати Божіей, былъ неослабнымъ хранителемъ добродѣтелей иноческихъ и пастьрскихъ; такъ что къ нему какъ бы особенно можетъ быть отнесено сіе изреченіе великаго Апостола Павла: *образъ былъ въпримѣ слово, житіемъ, впрою, духомъ, любовію и истотою.* — Можемъ ли мы, послѣ сего кончину такового доблестнаго и благочестиваго Священно Іерарха, какова почившій въ Бозѣ Архіпастьрь нашъ, назвать преждевременною, когда онъ такъ много трудился и подвизался въ жизни для вѣчнаго покоя души своей? Должны ли мы предаваться безотрадной скорби и сѣтованію, когда Самъ Господь воззвалъ его къ Себѣ, дабы за многотрудныя Христіанскіе подвиги

воздать ему нетлѣнный вѣнецъ славы въ обителяхъ небесныхъ? Нѣтъ, если мы отъ избытка сердечной признательности и любви желаемъ почтить священную память его; то всего приличнѣе почтимъ ее не столько слезами, сколько вѣрою и дѣлами Богоугодными. Ибо для благочестиваго Архипастыря нашего Антонія ничто не можетъ быть пріятнѣе и возжелѣннѣе, какъ *видѣть возлюбленныя чада своя во истинѣ ходяща*. 3 послан. Іоанна гл. 1 ст. 4. Кажется, прощаясь съ своею возлюбленною паствою, подобно Апостолу Павлу, онъ хотя безмолвно, но краснорѣчивѣе слова, самыми подвигами своими возбуждаетъ всѣхъ преуспѣвать въ вѣрѣ и благочестіи, вѣщая: *И нынѣ се азъ свѣтъ, яко къ тому не узрите лица моего вы вси, въ нижже проидохъ проповѣдуя Царствіе Божіе. Тѣмъ же свидѣтельствую вамъ во днешній день, яко чистъ азъ отъ крове всѣхъ; не обинухся бо сказати вамъ всю волю Божію.* (Дѣян. 20; 25; 26, 27). *Молю убо всѣхъ достойно ходити званія, въ неже зване бысте* (Ефес. гл. 4, ст. 1). Пастыри Церкви, служители и строители тайнъ Божіихъ, внимайте себѣ и всему стаду словесному, въ неже васъ Духъ Святыи постави пасти Церковь Господа и Бога, юже стяжа кровію своею; *пасите еже въ васъ стадо Божіе, поспыцающе не нуждею, но волею и по Бозь: нижже неправедными прибытки, но усердно; ни яко обладающе причту, но образи бывайте стаду, да явлюся Пастыреначальнику примите неувядаемый славы вѣнецъ* (1 Петр. гл. 5, ст. 2, 3, 4). Смиренные Священно-иноки и прочіе подвижники, изъ любви къ Богу посвятившіе себя на служеніе Ему, вступивъ благодатію Христовою на тѣсный путь, твердо стойте на ономъ и крѣпитесь духомъ, идите по немъ и постигнете, чего желаете; взявъ на себя крестъ Христіанскаго самоотверженія, благодушно несите оный до конца жизни, распиная плоть свою со страстьми и похотьми, неослабно пребывая въ постѣ и молитвѣ; помните всегда слово Христово: *никтоже возложь руку свою на рало и зря вспять, управленъ есть въ Царствіи Божіи* (Луки 9, 62). Юные пи-

томцы духовнаго вертограда, надежда Церкви православной, твердо помните отеческія наставленія, какія давалъ я вамъ, тщательно блюдите себя отъ всякія нечистоты, старайтесь преуспѣвать въ мудрости и благочестіи, прилежно поучаясь въ чтеніи св. Писанія и ученіи св. Отцевъ: *Да будете сосуды благопотребни въ служеніи Ему* (къ Тим. 2, 21). Всѣ возлюбленные чада мои о Христѣ ближніи и дальніи, молю васъ: *якоже чада свѣта ходите; искушающе, что есть благоугодно Богу, неприобщайтесь къ дѣломъ неплоднымъ тмы; но елика суть истинна, елика честна, елика праведна, елика пречиста, елика прелюбезна, елика добродѣтельна, аще кака добродѣтель, и аще кака похвала, сія помышляйте; имже и научитесь и пріяте, и слышите, и видѣте во мнѣ, сія творите: и Богъ мира да будетъ съ вами* (къ Ефес. гл. 5, 9, 10, 11; Филип. гл. 4, ст. 8, 9).

Слушатели благочестивые! Запечатлѣмъ сіи спасительныя наставленія въ сердцахъ своихъ, помолимся изъ глубины души о спасеніи новопреставленнаго доблестнаго Архипастыря нашего—благосерднѣйшаго Отца.

Боже духовъ и всякія плоти! Въ Тебѣ единомъ почившій Архипастырь нашъ Антоній искалъ покоя и утѣшенія для души своей, упокой его въ доль Авраамовомъ и съ праведными сопричти, яко благу и челоуколюбець“.

(Продолженіе будетъ).

Ученіе Ап. І. Богослова о любви.—Инспекторы Воронежской
Духовной Семинаріи.

Редакторъ, Ректоръ Семинаріи, Архимандритъ *Димитрій*.

Леч. дозв. Цензоръ Магистръ Протоіерей П. Пааницынъ. Апрѣля 15 дня 1886 года.
Воронежъ. Въ типографіи В. А. Исаянъ.